

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЩИТ ГАННИБАЛА В ПОЭМЕ «ПУНИКА» СИЛИЯ ИТАЛИКА (SIL. II 395–452)

И.Р. Гимадеев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Лаборатория междисциплинарного анализа социума, культуры и истории
Московского физико-технического института (МАСКИ МФТИ),
Москва, Россия; eliasgimad@mail.ru*

Аннотация: В статье подробно рассматривается вставной сюжет в поэме Силия Италика «Пуника» (Sil. II 395–452). Этот сюжет представляет собой описание щита Ганнибала (экфрасис), на котором мастера из Испании, славившиеся своим ювелирным искусством, изобразили историю Пунических войн от самых истоков, то есть от прибытия Дидоны из Тира и строительства Карфагена. На щите изображена картина встречи Дидоны и Энея, потерпевшего кораблекрушение, за которой следует знаменитая по четвертой книге Вергилия сцена в пещере, а затем отплытие троянского героя и угрозы гибнущей царицы будущему Риму. Сцена резко сменяется образом молодого Ганнибала, который совершает возлияние кровью подземным богам, грозя потомкам Энея. На другой стороне щита Силий показал события Пунической войны: отряд спартанца Ксантиппа, ставшего военачальником Карфагена, суровую смерть Регула, должную послужить примером верности защитникам Сагунта, а после буколических картин, помещенных на щите в дань традиции, чтобы показать контраст между войной и миром, осаду Сагунта. На последней картине Ганнибал в нарушение договора переходит Ибер, призывая пунийцев на бой. В статье экфрасис Силия сопоставлен с изображением щита Ахилла Гомером (Hom. II. XVIII 478–609) и щита Энея Вергилием (Verg. Aen. VIII 626–728). Автор приходит к выводу, что экфрасис Силия никак прямо не связан с другими описаниями, но приведен в сложившейся традиции изображения драгоценного оружия в эпосе. У Силия полностью отсутствуют космологические мотивы, явные у Гомера, или политический подтекст, который очевиден в описании Вергилия. Силий Италик хотел показать, как конфликт между Энеем и Дидоной повлиял на будущее двух народов.

Ключевые слова: Силий Италик; щит Ганнибала; экфрасис; изображение щита; Пуника

Финансирование: Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Пуника» Силия Италика: перевод, исторические реалии, рецепция» (проект № 24-18-00445), реализуемого в Московском физико-техническом институте (национальный исследовательский университет).

Для цитирования: Гимадеев И.Р. Щит Ганнибала в поэме Силия Италика (Sil. II 395–452) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 113–123.

HANNIBAL'S SHIELD IN THE POEM OF SILIUS ITALICUS (SIL. II 395–452)

Elias R. Gimadeev

Lomonosov Moscow State University; Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russia; eliasgimad@mail.ru

Abstract: This article examines in detail an inserted scene in Silius Italicus's poem *Punica* (Sil. II 395–452). This scene depicts a description of Hannibal's shield (ekphrasis), on which Spanish artisans, renowned for their goldsmithing, depicted the history of the Punic Wars from their very origins, that is, from Dido's arrival from Tyre to the founding of Carthage. The shield depicts the meeting of Dido and the shipwrecked Aeneas, followed by the famous cave scene from Virgil's fourth book, and then the departure of the Trojan hero and the dying queen's threats to the future of Rome. The scene abruptly shifts to the image of a young Hannibal offering a blood libation to the underworld gods, threatening the descendants of Aeneas. On the other side of the shield, Silius depicts events from the Punic War: the detachment of the Spartan Xanthippus, who became the general of Carthage; the brutal death of Regulus, intended to serve as an example of loyalty to the defenders of Saguntum; and, following bucolic scenes placed on the shield in keeping with tradition, to illustrate the contrast between war and peace, the siege of Saguntum. In the final scene, Hannibal, in violation of the treaty, crosses Iberus, calling the Punicus to battle. The article compares Silius's ekphrasis with Homer's depiction of Achilles' shield (Hom. Il. XVIII 478–609) and Virgil's depiction of Aeneas' shield (Verg. Aen. VIII 626–728). The author concludes that Silius's ekphrasis is not directly connected to the other descriptions, but is included within the established tradition of depicting precious weapons in epic poetry. Silius completely lacks the cosmological motifs evident in Homer or the political subtext evident in Virgil's account. Silius Italicus wanted to show how the conflict between Aeneas and Dido affected the future of the two peoples.

Keywords: Silius Italicus; shield of Hannibal; ekphrasis; image of a shield; *Punica*

Funding: The research was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation "Punica by Silius Italicus: Translation, Historical Realities, Reception" (project No. 24-18-00445), implemented at the Moscow Institute of Physics and Technology (national research university).

For citation: Gimadeev E.R. (2026) Hannibal's Shield in the Poem of Silius Italicus (Sil. II 395–452). *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 113–123.

Д. Весси отмечал, что во времена Силия Италика обычными для латинского эпоса стали небольшие вставные сюжеты (особенно этиологического характера: Verg. Aen. VIII 185–275: о Геркулесе и Каке, Luc. IV 493–660: встреча Геракла и Антея, Stat. Theb.: Лин и Кореб) [Vessey, 1973: 240]. Одни сюжеты могли быть придуманы самим Силием. К примеру, Дж. Никол доказывает, что миф о крестьянине Фалерне [Gimadeev 2025: 488] придуман самим Силием на основании схожих историй об афинянине Икарии и Энее (Ойнее), царе Калидона [Nicol 1936: 11–12]. Другие сюжеты основаны на предшествующей традиции. Вслед за гомеровским описанием щита Ахилла, описанием щита Геракла Псевдо-Гесиода и щита Энея Вергилием появляется ἔκφρασις Силия Италика.

В «Пунике» народы океана, под которыми следует понимать племена, населявшие Испанию — край света для римлян [Lyubzhin, Podossinov, Zaytsev, Markelov 2025: 259], — приносят Ганнибалу в дар щит, блистающий свирепым блеском (Sil. II 395 сл.: *Ecce autem clipeum saeui fulgore micantem / Oceani gentes ductori dona ferebant*). Щит был искусной работой каллецейской земли (Sil. II 397: *Callaicae telluris opus*), Галисии, испанской области, славившейся ювелирным искусством [Lyubzhin, Podossinov, Zaytsev, Markelov 2025: 259]. Кроме щита (*clipeus*), Ганнибала защищает шлем (*galea*), лорика, судя по описанию *hamata*, то есть кольчуга (Sil. II 401 сл.: *praeterea textam nodis auroque trilicem / loricam, nulli tegimen penetrabile telo*); вооружен он мечом (*ensis*) и копьем (*hasta*). Все оружие выковано из меди, прочного булата и обито богатствами Тара (Sil. II 403 сл.: *aere et duri chalybis perfecta metallo / atque opibus perfusa Tagi*), то есть оно позолочено, так как в реке Таг, протекающей в Испании (совр. Тахо) и в Португалии (совр. Тежу), добывали золото [Lyubzhin, Podossinov, Zaytsev, Markelov 2025: 259]. Как дарение щита Фетидой Ахиллу и Венерой Энею знаменует поворотный момент в их судьбе, так и Ганнибал теперь готов взять на себя судьбоносную роль в истории [Vessey 1975: 391–392].

С 406-й строки начинается описание изображения на щите. Вслед за Д. Весси весь сюжет можно разделить на четыре неравные части: 1) изображение правой стороны щита (405–431); 2) левой (432–445); 3) Сагунта, которое, вероятно, покрывало центральную часть щита, то есть умбон (446–449); 4) изображение по периметру щита (449–452), где показано, как Ганнибал переправляется через Ибер [Vessey 1975: 392].

Итак, сперва описывается правая сторона щита, как мы понимаем из последующего текста, потому что в 432-й строке автор прямо указывает уже на его левую сторону (Sil. II 432 сл.: *Necnon et laeuum clipei latus aspera signis / implebat Spartana cohors*).

Сам ἔκφρασις начинается с основания Дидоной первых твердынь Карфагена. Здесь возможна ἐναλλαγή (Sil. II 406: *Condebat primae Dido Carthagini arces*), так как сочетание *primae Carthagini* «первого Карфагена» хотя и вполне ясно, но естественнее логически отнести *primae* к *arces*. Силий отождествляет настоящее с прошлым, прослеживая историю пунических войн вплоть до истоков, которые сделали это столкновение двух цивилизаций неизбежным. Мифологическая этиология конфликта лежит в основе философских и исторических взглядов Силия в Пунике. Для поэта была важна доктрина предопределения и бесконечной причинно-следственной связи, фундаментальные для стоицизма, которого он придерживался. Самой своей смертью Силий воплотил стоический идеал в жизнь (Plin. ep. III 7: Силий Италик страдал от опухоли и довел себя голодом до смерти в 75 лет, сохраняя бодрое расположение духа, *beatus et felix*, до самой кончины) [Vessey 1975: 392]. На щите мы наблюдаем, как юноши вытаскивают на берег корабли, прибывшие из Тира, и приступают к работе (Sil. II 407: *instabatque operi subducta classe iuventus*): одни строят дамбы в гавани, другие — дома. Здесь упоминается сподвижник Дидоны Битий, которого упоминает Вергилий на пиру царицы с Энеем. В конце пира Дидона приказывает принести чашу с вином и, пригубив, передает ее в первую очередь Битию, который осушает ее до дна (Verg. Aen. I 738 сл.: *tum Bitiae dedit increpitans; ille impiger hausit / spumantem pateram et pleno se proluit auro*). Само описание строительства Карфагена гораздо подробнее представлено у Вергилия (Verg. Aen. I. 421–440): здесь строят дома, толпа идет по мощеным улицам, тирийцы возводят стены, углубляют порт, закладывают фундамент для театра, вырезают из скал колонны для украшения будущей сцены.

Далее следует изображение того, как под дружные одобрительные крики выставляют на всеобщее обозрение череп боевого коня (Sil. II 410 сл.: *ostentant caput effossa tellure repertum / bellatoris equi atque omen clamore salutant*). Силий явно отсылает нас к месту в Энеиде (Verg. Aen. I 443–445: *tum effodere loco signum, quod regia Iuno / monstrarat, caput acris equi; sic nam fore bello / egregiam et facilem victu per saecula gentem*), где пунийцы также извлекают из земли голову резвого коня. Вергилий прямо объясняет эту находку как знак того, что карфагеняне будут многие годы непобедимы и не будут испытывать нужды. Из приведенного отрывка ясно, что Силий не стремится в точности подражать Вергилию. Изображение же лошади можно наблюдать на монетах из Карфагена, Сицилии и с юга Италии [Zograf 1951: таб. XIX]. Голова боевого коня (*bellator equus*), ставшая символом Карфагена, свидетельствует о военной мощи, которой будет обладать пока еще молодой город. В будущем Ганни-

бал обрушит эту силу на Италию. Найденная голова также может символизировать Троянского коня. В таком случае карфагеняне выступают преемниками греков и будущими врагами Новой Трои, но в случае с ними предзнаменование победы предвещает также и их окончательное поражение [Vessey 1975: 394].

Следующая картина описывает Энея, оставшегося после бури без флота и спутников, на которого дружественно взирает несчастная царица (Sil. II 412 слл.: *has inter species orbatum classe suisque / Aenean pulsum pelago dextraque precantem / cernere erat: fronte hunc auide regina serena / infelix ac iam uultu spectabat amico*). У Вергилия к Дидоне, напротив, сперва обращается Илионей с дарданцами (Verg. Aen. I 520 слл.), рассказывая ей о застигшей их буре, во время которой они потеряли Энея. Уже после благосклонного ответа Дидоны (Verg. Aen. I 561 слл.) Эней чудесным образом появляется из облака и предстает перед народом (Verg. Aen. I 586 слл.). Силий не выносит суждения о том, виновата ли Дидона или Эней, но следует отметить, что Эней здесь показан в одиночестве и без флота [Vessey 1975: 395].

В другой сцене мы видим пещеру, куда спрятались Дидона и Эней от дождя на охоте, и тайный союз влюбленных (Sil. II 416 слл.: *hinc et speluncam furtiuoque foedera amantum / Callaicae fecere manus: it clamor ad auras / latratusque canum, subitoque exterrita nimbo / occultant alae uenantum corpora siluis*). Вергилий изобразил ту же сцену уже в IV книге. Дидона и троянский вождь спускаются в пещеру, богиня Земля и Юнона, покровительница браков, дают знак: эфир, свидетель союза, сверкнул молниями, а нимфы огласили округу воплями с вершины горы (Verg. Aen. IV 165 слл.: *speluncam Dido dux et Troianus eandem / deveniunt. prima et Tellus et pronuba Iuno / dant signum; fulsere ignes et conscius Aether / conubiis, summoque ulularunt vertice Nymphae*). Последней сценой мифа об Энее и Дидоне, изображенной на щите, является сцена отплытия Энея со спутниками. Элисса, таким именем звали Дидону пунийцы, тщетно призывает его, но в итоге она стоит на вершине огромного костра, предвещая месть и войну с будущим Римом, а Эней уплывает, подняв паруса навстречу великой судьбе. У Вергилия эти центральные события поэмы, бегство Энея (Verg. Aen. IV. 304–449) и смерть царицы (Verg. Aen. IV 474–692), описаны, разумеется, подробнейшим образом. Последняя сцена, изображенная на правой стороне щита, показывает молодого Ганнибала, который молится пред алтарем хтоническим богам, совершая возлияние кровью и грозя потомкам Энея (Sil. II 426 слл.: *parte alia supplex infernis Hannibal aris / arcanum Stygia libat cum uate cruorem / et primo bella Aeneadum iurabat ab aeuo*). А старый Гамилькар, отец пунийского военачальника, предается ликованию на Сицилии. Его изображение выглядит на щите таким

живым, что от него захватывает дух (Sil. II 429 слл.: *at senior Siculis exultat Hamilcar in aruis: / spirantem credas certamina anhela mouere, / ardor inest oculis, toruumque minatur imago*). Гамилькар Барка предводительствовал войсками и флотом Карфагена во время Первой пунической войны с 247 по 241 гг. на Сицилии. В итоге хотя Карфаген и потерял остров, но Гамилькар, показав себя искусным дипломатом, сумел в сложной для себя обстановке добиться достаточно выгодного мирного соглашения.

На этом заканчивается описание правой стороны щита, и поэт переходит к левой стороне. Здесь изображен спартанский отряд под началом Ксантиппа из спартанского города Амиклы, где когда-то обитал Тиндарей и его супруга Леда. Ксантипп воевал наемником на стороне пунийцев, став на некоторое время во главе армии Карфагена (Sil. II 432 слл.: *Necnon et laeuum clipei latus aspera signis / implebat Spartana cohors; hanc ducit ouantem / Ledaieis ueniens uictor Xanthippus Amyclis*). Спарта, как Микены и Агрос, находится на Пелопоннесе, поэтому Ксантипп и спартанцы могут напомнить об Агамемноне и его войске, а значит, являются союзниками карфагенян. Даже смерть Ксантиппа, который, видимо, был вероломно убит карфагенянами, и Агамемнона похожи [Vessey 1975: 402]. Рядом изображен знаменитый Марк Атилий Регул, консул 267 г., образец римской *virtus* (Cic. off. III 99–115), который, потерпев при Тунете поражение от Ксантиппа, был пленен, а потом, отправленный в Рим, отказался вести переговоры, за что был казнен. На щите представлена скорбная картина его казни, которая должна дать пример верности осажденному Сагунту (Sil. II 435 сл.: *iuxta triste decus pendet sub imagine poenae / Regulus et fidei dat magna exempla Sagunto*). Мрачную картину войны разбавляют чеканные сцены охоты с радостными буколическими мотивами: вереницы зверей, шатры, «сестра черного мавра» гладит ручных львиц, пастух с копьем, верной лайкой, кремнем и дудочкой (Verg. Georg. III 339–348) (Sil. II 437 слл.: *laetior at circa facies: agitata ferarum / agmina uenatu et caelata mapalia fulgent, / nec procul usta cutem nigri soror horrida Mauri / ad-suetas mulcet patrio sermone leaenas. / it liber campi pastor, cui fine sine ullo / inuetitum saltus penetrat pecus: omnia Poenum / armenti uigilem patrio de more secuntur, / gaesaque latratorque Cydon tectumque focique / in silicis uenis et fistula nota iuuencis*). Картины сельского быта мгновенно сменяются изображением Сагунта на высоком холме в окружении ратей, потрясающих копьями. А по самому краю щита была отчеканена река Ибер, которая разделяла владения Карфагена и Рима в Испании (Polyb. II. 13. 7). (Sil. II 446 слл.: *eminet excelso consurgens colle Saguntos, / quam circa immensi populi condensaque cingunt / agmina certantum pulsantque trementibus hastis. / extrema clipei stagnabat*

Hiberus in ora, / curuatis claudens ingentem flexibus orbem). Подобные изображения рек по кругу щита можно встретить в изображении щита Ахилла, где изображена река Океан (Hom. Il. XVIII 608–608), Океан также окаймляет щит Геракла у Псевдо-Гесиода (Scut. 314–315) [Lyubzhin, Podossinov, Zaytsev, Markelov 2025: 261].

Завершается эффраσις картиной перехода Ганнибала в нарушение договора через Ибер и призывом пунийцев на войну с Римом (Sil. II 451 сл.: Hannibal abrupto transgressus foedere ripas / Poenorum populos Romana in bella uocabat). Вставной сюжет оканчивается с той же драматической внезапностью, с какой и вводится в повествование: Ганнибал облачается в доспехи, по которым будет стекать столько авзонийской крови, и грозит курии, то есть сенату, которая названа здесь нигде не встречающимся эпитетом [Lyubzhin, Podossinov, Zaytsev, Markelov 2025: 261] belli ui<n>dex «судья войны» (Sil. II 453 сл.: tali sublimis dono, noua tegmina latis / aptat concutiens umeris celsusque profatur: / 'Neu quantum Ausonio sudabitis, arma, cruore! / quas, belli ui<n>dex, poenas mihi, Curia, pendes!'). Ганнибал — мститель, и на его щите изображена война против Рима. Еще когда он клялся в храме Элиссы, он повторял слова проклятья Дидоны (Verg. Aen. I 114–115: Romanos terra atque undis, ubi competet aetas, / ferro ignique sequar). Таким образом, Ганнибал идет на Рим для того, чтобы воля Дидоны была исполнена [Vessey 1975: 398].

Как выглядит щит Ахилла у Гомера (Hom. Il. XVIII 478–609)? Первое, что бросается в глаза: Гомер уделит некоторое внимание внешнему виду и конструкции щита, что для Силия не имело никакого значения. Щит Ахилла изготавливает сам бог Гефест, а не смертные люди. Он изобразил землю, небо, море, солнце, месяц и созвездия (Hom. Il. XVIII 483 сл.). В «Пунике», напротив, полностью исчезает космологический и сверхъестественный элемент, который мы встречаем не только у Гомера, но и у Вергилия [Vessey 1975: 397]. За космогонической картиной следует описание двух городов. В первом городе изображены брачные празднества, хоры; показано торжище, на котором происходит тяжба из-за убийства. Другой город показан в осаде. Данный образ также представлен в «Пунике», но никак не развивается. Сагунт на щите Ганнибала только упомянут, а тема осады не продолжается. У Гомера совершенно противоположная картина: осажденные под предводительством Арея и Паллады отваживаются на вылазку и устраивают засаду (Hom. Il. XVIII 478–520). Из засады они нападают на пастухов и угоняют волов и овец. Противник, заметив это, несется в конной атаке и вступает в бой у реки. С воинами бьются Злоба, Смута и Смерть (Hom. Il. XVIII 535: ἐν δ' Ἐρις ἐν δὲ Κυδοιμὸς ὀμίλειον, ἐν δ' Ὀλοὴ Κήρ). Вслед за описанием поля битвы следует изображение нивы

и пахоты на волах. У Силия буколическое представлено сравнительно мало. В «Илиаде» картина сельского быта выписана подробнейшим образом: землепашцы подходят к краю нивы, а им сразу подают кубок вина (Hom. II. XVIII 520–545); на другом поле показана жатва, колосья срезают серпами, вяжут в снопы; царь стоит рядом на поле и радуется жатве, а вестники готовят трапезу и жены просеивают белую муку для вечерней трапезы (Hom. II. XVIII 545–560). Следующая сцена у Гомера рисует виноградники и сбор урожая, продолжая описание сельского быта: виноград собирают девицы и юноши с плясками под лиру. Из олова и золота на щите сделаны волы, которые мчатся на паству, а следом за ними идут пастухи с собаками. На стадо нападают два льва и раздирают вола, пастухи натравливают на них собак, но те убегают от львов в страхе. Гефест также изобразил на щите паству, сереброрунных овец и палатки пастухов. В последней сцене представлены танцы юношей и девушек. Танцующие одеты в светлое, умащены елеем, на девах видны венки, на юношах надеты перевязи с золотыми ножами (Hom. II. XVIII 560–590). И наконец щит по ободу окаймляет Океан (Hom. II. XVIII 606 сл.: ἐν δ' ἐτίθει ποταμοῖο μέγα σθένος Ὠκεανοῖο / ἄντυγα παρ πυμᾶτην σάκεος πύκα ποιητοῖο «там же он изобразил великую силу реки Океана / вдоль края обода крепкосданного щита»). Как было сказано выше, у Силия в описании щита Ганнибала мы также находим реку. Но если у Гомера Океан опоясывает щит словно весь мир, отражая могучие силы природы, то Ибер у Силия является лишь границей между Карфагеном и Римом.

Описание щита Энея у Вергилия сильно отличается от вышеприведенного (Verg. Aen. VIII 626–728). Вергилий сразу сообщает, из каких сцен складывается э́κφρασις на щите: триумфы италийцев и римлян (Verg. Aen. VIII 626: *illic res Italas Romanorumque triumphos*), а также изображение всего родового древа от Аскания и череда войн (Verg. Aen. VIII 626 сл.: *illic genus omne futurae / stirpis ab Ascanio pugnataque in ordine bella*). Сцена кормления волчицей Ромула и Рема в пещере Марса сменяется похищением сабинянок в Риме: старец Татий, вождь сабинян, тут же идет войной на ромулидов. Но сразу следует сцена примирения двух народов: цари выпивают перед алтарем чашу и скрепляют союз жертвоприношением свиньи. На другом изображении квадрига Тулла Гостилия разрывает альбанского царя Меттия Фуффетия. Этрусский царь Порсенна идет войной на Рим, чтобы восстановить на престоле изгнанного Тарквиния Гордого, но энеады бросаются на вражеские мечи ради свободы. Гораций Коклес, обороняя деревянный мост, разрушает его (сама сцена, где Коклес переплывает Тибр, не показана на щите, но читатель прекрасно знает этот эпизод), а Клелия, заложница Порсенны,

верхом пересекает Тибр (Verg. Aen. VIII 626–651). В середине щита стоит Тит Манлий Торкват, защищая город от полчищ галлов, поднявшихся ночью на Тарпейскую твердыню. Показан серебряный гусь, пролетающий между золотых колонн, предупреждая, что враг у порога. Описаны внешний вид, одеяние и вооружение галлов. На щите представлены разные жреческие коллегии: фламины, салии, стерегущие священные щиты (щит, по преданию, упал с неба в руки Нумы Помпилия, предвещая спасение от чумы, и чтобы сохранить его, Нума велел сделать одиннадцать копий) и луперки. Изображение переносит нас в Тартар, где представлены злодеи и праведники. Катилина, прикованный к скале, в страхе взирает на фурий. Рядом с судьей подземного царства изображен Катон, дающий благочестивым законы. Среди этого дана картина широко раскинувшегося моря с дельфинами и судами, которая предвещает изображение победы при Акции. Август ведет в бой италийцев и римлян вместе с пенатами и великими богами, а свет отчей кометы (Цезарь после смерти превратился в комету и был обожествлен) осеняет его чело. Далее изображен Агриппа в ростральном венке за морскую победу над сыном Помпея. Представлен и Антоний с варварскими силами и пестрым оружием: он ведет Египет, силы востока и живущих на краю мира бактров с несчастной супругой-египтянкой (Verg. Aen. VIII 651–685). Начинается подробное описание морского сражения на щите: Клеопатра, еще не видя уготованных ей после победы Октавиана ядовитых змей, призывает полчища отцовским систром, против Венеры и Минервы идет в бой псоглавый Анубис. Здесь же представлены и другие боги: Марс, мрачные (*tristes*) Диры, парящие над бойцами, *Discordia* в разорванной палле, Беллона с окровавленной плетью (*flagellum*), Аполлон Актийский натягивает лук, от которого бежит Египет, обращаются в бегство инды, арабы и сабеи. А вслед за ними и сама Клеопатра призывает Япига, дующего из Апулии, который понесет ее в Египет. Напротив этой картины Гефест изобразил широко раскинувшийся Нил и тройной трумф (за победу при Акции, над далматинскими племенами и Александрией) Августа, давшего обет воздвигнуть 300 храмов по всему Риму (Verg. Aen. VIII 685–712). После победы представлена картина всеобщего ликования, хоры матрон в святилищах и закланные тельцы у алтарей. В конце Вулкан-Мульцибер изобразил, как, восседая у храма Аполлона, Август принимает дары от разных народов: номадов, афров, гелонов, карийцев, лелегов; народов, живущих по берегам Евфрата, Рейна, Аракса; от дагов, моринов. Эней принимает щит, радуясь дару матери, хотя и не знает, что на нем отчеканена судьба его потомков (Verg. Aen. VIII 712–729).

Из описания щита Энея и Ахилла ясно, что Силий Италик вслед за Гомером и Вергилием приводит свое собственное, никак прямо не связанное, описание щита, но в сложившейся традиции изображения драгоценного оружия в эпосе. Прямая связь описания щита Силием с описанием Вергилия заключается в том, что поэт показывает нам восхищение героя искусным оружием, тогда как Гомер изображает щит во время его изготовления [Spaltenstein 1986: 143]. Каллецейские руки испанских дарителей не изобразили на щите Ганнибала ни Теллус, ни Юнону, ни нимф [Vessey 1975: 397], то есть, как уже было отмечено, полностью отсутствуют какие-либо религиозные или космологические мотивы, что разительно отличает изображение щита Ганнибала от описания Гомера. При желании можно найти множество параллелей у Вергилия. К примеру, Д. Весси сравнивал переход Энея через Средиземное море с переходом Ганнибала через Ибер, а Дидона погибла на пылающем костре словно жители Сагунта, таким образом царица рассталась с жизнью из-за своей преданности Энею, а народ Сагунта — из-за своей верности Риму [Vessey 1975: 405]. Однако само описание щита Энея Вергилием совсем не затрагивает судьбу самого Энея, но говорит только об истории его потомков, пересказывая основные вехи римской истории, являясь тем самым явным политическим посланием, призванным воспеть блистательный век Августа. На щите, изображенном Силием, мы не находим ни такого множества буколических сцен, ни изображения сменяющих друг друга исторических сюжетов. Силию Италику было важно показать этим сложившимся эпическим приемом вставного сюжета с использованием *ἐκφρασις*, как конфликт между Энеем и Дидоной повлиял на будущее столкновение двух народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гимадеев И.Р. Миф о Фалерне Силия Италика в свете истории фалернского вина // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2025. 29, № 1. С. 483–504.
2. Зограф А.Н. Античные монеты. Л., 1951.
3. Любжин А.И., Подосинов А.В., Зайцев Д.В., Маркелов А.Ю. Силий Италик. Об осаде Сагунта (Пуника I. 271 — II. 707) // Вестник древней истории. 2025. 85, № 1, С. 231–268.
4. Nicol J. The historical and geographical sources used by Silius Italicus. Oxford, 1936.
5. Vessey D.W.T.C. The Myth of Falernus in Silius, “Punica 7” // The Classical Journal. 1973. Vol. 68, № 3, pp. 240–246.
6. Vessey D.W.T.C. Silius Italicus: The Shield of Hannibal // The American Journal of Philology. 1975. Vol. 96, № 4, pp. 391–405.
7. Spaltenstein F. Commentaire des Punica de Silius Italicus. Genève, 1986.

REFERENCES

1. Gimadeev I.R. Mif o Falerne Siliya Italika v svete istorii falernskogo vina [The Myth of Falernus by Silius Italicus in the Light of the History of Falernum Wine]. *Indoevropeiskoe yazyko-znanie i klassicheskaya filologiya*, 2025, 29, № 1, pp. 483–504. (In Russ.).
2. Zograf A.N. *Antichnye monety* [Antique coins]. Leningrad, AN SSSR, 1951.
3. Lyubzhin A.I., Podossinov A.V., Zaytsev D.V., Markelov A.Yu. Silij Italik. Ob osade Sagunta (Punica I. 271 — II. 707) [Silius Italicus. The Siege of Saguntum (Punica I. 271 — II. 707)]. *Vestnik drevnej istorii*, 2025, 85, № 1, pp. 231–268. (In Russ.).
4. Nicol J. *The historical and geographical sources used by Silius Italicus*. Oxford, 1936.
5. Vessey D.W.T.C. The Myth of Falernus in Silius, “Punica 7”. *The Classical Journal*. 1973. Vol. 68, № 3, pp. 240–246.
6. Vessey D.W.T.C. Silius Italicus: The Shield of Hannibal. *The American Journal of Philology*. 1975. Vol. 96, № 4, pp. 391–405.
7. Spaltenstein F. *Commentaire des Punica de Silius Italicus*. Genève, 1986.

Поступила в редакцию 12.12.2025

Отредактирована 25.05.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 12.12.2025

Revised 25.05.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Ильяс Рустэмович Гимадеев — к.ф.н., доцент кафедры классической филологии МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории Московского физико-технического института (МАСКИ, МФТИ, Физтех); eliasgimad@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elias R. Gimadeev — PhD, Associate Professor, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Researcher of the iASCH Laboratory, Moscow Institute of Physics and Technology; eliasgimad@mail.ru